

После того безумного дня все, начиная с Ван Ши и заканчивая служанками, вдвое сильнее зауважали учительницу Кун. Никто из девочек не осмеливался выказывать даже малейшие признаки неповиновения при ней, особенно Молань, которая буквально ходила, поджав хвост. После того как Шэн Хун побывал на уроке учительницы Кун, его рациональность победила его чувства. Он ночевал у Ван Ши следующие две недели, позволив тем самым наложнице Линь и её дочери обдумать своё поведение. Ван Ши буквально цвела, она была так счастлива, что, казалось, вот-вот бросится запускать фейерверки. Более того, Шэн Хун, по видимому, твёрдо собравшийся доказать что-то учительнице Кун, отказал наложнице Линь даже в просьбе увидеться.

Видя, что ситуация складывается совершенно не в её пользу, наложница Линь использовала свой главный козырь. Подгадав момент, когда Шэн Хун занимался с Чанфеном, она велела сыну передать ему зелёное полотно. На нём она написала поэму о своём горе, используя роскошные чернила из киновари. Она написала о том, как она «думает о господине до самого рассвета, пока её сердце страдает и плачет кровавыми слезами, напоминающими вечерний дождь». Когда Шэн Хун прочитал это, его переполнили тёплые чувства. Наконец он не смог сопротивляться желанию увидеться с наложницей Линь и отправился к ней прямо в середине ночи.

После того, как об этом узнала Ван Ши, она очень сильно разозлилась.

— У этой мелкой наложницы совершенно нет никакого воспитания!

Но после того урока Шэн Хун осознал, что он не может полностью простить наложницу Линь. А наложница Линь знала, как прикидываться сдержанной, находясь в центре внимания. Молань, подражая своей матери также старательно следила за своим поведением. Учительница Кун продолжала обучать их более половины месяца и попрощалась с ними после того, как Чанбай успешно сдал окружной экзамен. В благодарность Шэн Хун преподнёс ей множество сундуков с дарами, учительница приняла половину и вернула другую половину со словами: «Вы завалили меня дарами, когда я привезу всё это к себе, люди подумают, что я ограбила вас».

За несколько дней до этого Ван Ши тактично намекнула учительнице Кун написать письмо её старым друзьям в столице. Предполагалось, что учительница похвалит её дочь и это сформирует для Хуалань благоприятную обстановку в будущем. Однако учительница Кун отказала ей, ответив с улыбкой: «Первая молодая госпожа едет туда не в качестве гостя. Она будет жить в столице долгое время. За это время она сама сформирует свою собственную репутацию. Если я сейчас расхвалю её до небес, дом Бо Чжунциня будет ожидать от неё слишком многого, а это явно не обнадеживает».

Эти слова могут быть переведены с марсианского языка как: Не слишком завышайте свои ожидания, если они будут чересчур высокими, то легко будет разочароваться. Наоборот, если сейчас занизить ожидания, то это будет лучше для Хуалань. Это позволит ей проявить себя.

Однако по Ван Ши нельзя было сказать, поняла ли она что имелось в виду или же просто изо всех сил скрывала разочарование. Осознав это, учительница Кун добавила: «Первая молодая госпожа должна сама сформировать свою репутацию. Но когда она приживётся там и родит

детей, то, если я до сих пор буду способна что-либо сделать, я замолвлю словечко за остальных ваших дочерей». Подумав о Жулань, Ван Ши поблагодарила её с широкой улыбкой на лице.

После того как учительница Кун уехала, девочки вернулись к своему обычному распорядку. Пожилая госпожа Шэн вновь принялась учить Минлань читать и вскоре добавила ещё один предмет, уроки шитья, со старшей служанкой Фан в качестве временного учителя. Служанка Фан была служанкой первого ранга, сопровождавшей пожилую госпожу в качестве части её приданого. Она была известна как самая лучшая во владении иглой во всём поместье Хоу. Она прекрасно могла ткать, шить, вышивать, плести и так далее. Несмотря на то что она была уже в возрасте и зрение частенько подводило её, её навыков с лихвой хватало для того чтобы обучать новичка вроде Минлань.

Основываясь на двух живых примерах пожилой госпожи Шэн и наложницы Линь, понимавших литературу на лету, служанка Фан очень волновалась, что Минлань тоже будет любить поэзию и не любить иглу. Однако Минлань была с самого начала готова учиться и более того она проявляла больше энтузиазма в обучении вышиванию, чем в обучении чтению. Служанка Фан была счастлива и удивлена одновременно. Она бросила все свои силы на обучение Минлань. Так что с утра и до обеда Минлань училась читать с пожилой госпожой Шэн, после чего начинались занятия вышивания со служанкой Фан, а пожилая госпожа радостно наблюдала за ними со стороны.

Минлань практиковалась в стежках на маленьких кусочках ткани, учась вышивать прямые линии и круги. Движения иглы должны были быть точны, словно у швейной машинки, а промежутки между ними должны быть выверены и абсолютно одинаковыми. Это были основы, на освоение которых у Минлань ушёл целый месяц.

Месяц спустя служанка Фан подгадала достаточно яркий полдень и устроила Минлань экзамен. Минлань едва смогла пройти его. Служанка Фан была немного сбита с толку.

— Юная госпожа столь усердна в своей учёбе, почему же освоение вышивания происходит намного медленнее, чем изучение чтения?

«Прикидываться, что учишься и учишься с нуля — это совершенно разные вещи», — подумала Минлань.

Пожилая госпожа Шэн тоже была очень озадачена.

— Тебе так сильно нравится работать с иглой? Ты так серьёзно к этому относишься и вкладываешь в это столько сил. Это совершенно не сравнимо с тем, как ты учишься читать.

«Только призракам нравится вышивать», — Минлань мысленно плакала. В прошлой жизни у неё даже не получалось вышивать крестиком.

У системы образования, ориентированной на экзамены, было одно очень характерное свойство.

Всё, чему ты учишься: математике, игре на пианино или рисованию, давало некий бонус. Ты должен был учиться хорошо, чтобы попасть в хороший университет, ты должен был попасть в хороший университет, чтобы найти хорошую работу и, найдя хорошую работу, ты мог заработать много денег. Если обобщить, то всегда была чёткая цель и чёткий набор действий для её достижения. Но будучи человеком, привыкшим к этой системе, после прочтения «Тысячи иероглифов», Минлань начала осознавать проблему.

Если ты одна из жён, то для чего тебе нужны навыки в поэзии, пении и четырёх искусствах? Она ведь не может воспользоваться своими знаниями, чтобы заработать себе на еду, потому что она не имеет права сдать императорские экзамены или иным способом заполучить репутацию талантливой женщины среди знати.

Пожилая госпожа Шэн, рождённая как законная дочь, не задумываясь ответит: «Образованная натура и пребывающее в гармонии сердце формируют характер. Добродетельный характер возвышает репутацию семьи».

Но Минлань — не законная дочь, а семья Шэн — не семья Хоу. Она попросту не может войти в круги высшей знати.

А наложница Линь наверняка ответит: «На моём пути к успеху поэзия, пение и четыре искусства сослужили мне хорошую службу».

Но Минлань не хочет быть наложницей.

Но недавно служанка Фан, не подумав, сказала кое-что. Услышав, что вещь, расшитая вышивкой Жуйи среднего качества может быть продана за два-три таэля, Минлань внезапно осознала направление в котором она хочет развиваться. Не важно, насколько хорошо ты учишься или оперируешь своими финансами, общество может отобрать у тебя всё это. Только навыки шитья могут обеспечить некую финансовую стабильность. Можно сформировать себе хорошую репутацию в этой области и иметь полезный навык на будущее просто на всякий случай.

Обдумав эту проблему ещё немного, Минлань сформулировала подходящий ответ:

— Уметь шить полезно. Можно шить тёплые шапки для бабушки, ботинки для отца, расшитые сумки для благовоний для мамы и старших сестёр, расшитые носовые платки для старших братьев.

Пожилая госпожа Шэн была так тронута, что едва не прослезилась. Она обняла Минлань впервые за долгое время.

— Дитя моё, как же тебе должно быть тяжело!

Минлань была слегка сбита с толку. Видимо пожилая госпожа Шэн восприняла это как: «Учёба помогает только тебе, а навык шитья помогает всей семье». И, говоря об этом в таком юном возрасте, её внучка показывает, что уже умеет заботиться о своей семье.

Дабы сделать обучение интереснее, пожилая госпожа Шэн нарисовала несколько простых узоров с цветами слив, чтобы Минлань вышила их. Минлань приложила все свои силы. Когда она вышила половину цветка, было больше похоже, что это не цветок сливы, а бутон персикового цветка. Старшая служанка Фан вздохнула и добавила к цветкам несколько стежков, предложив Минлань вышить вместо этого цветки персика.

— Цветы слив и персиков разные, разве можно сейчас менять их? — тихо протестовала Минлань.

— Всё хорошо, на твоей вышивке разница между ними не слишком заметна, — успокаивала её пожилая госпожа Шэн.

Минлань промолчала.

В самом конце марта, когда персиковые цветы уже расцвели, из поместья Бо Чжунциня пришло письмо, в котором говорилось, что Юань Веньшао поедет за невестой через месяц. На путешествие до префектуры Ден ему понадобится всего несколько дней. По этому поводу прибыл старший из двоюродных братьев Шэн Хуна со стороны отца, Шэн Вэй. Изначально на свадьбе должен был присутствовать и её дядя со стороны матери, но Ван Янь был чиновником и не мог просто так покинуть свой пост. Только Шэн Вэй, владевший собственным рестораном, мог спокойно путешествовать. Он привёз с собой своего второго сына, Чанву, который помимо участия в церемонии будет вместе с Чанбаем сопровождать Хуалань в столицу.

Когда Шэн Вэй вместе с Шэн Хуном пришли в зал Шоу'ань чтобы выразить почтение, Минлань сидела на диванчике и рассказывала наизусть «Оду Лотосу».

— На суше, на воде, в траве, на дереве — повсюду цветов есть очень много всяких, которые достойны любованья... А я так люблю один только лотос — за то, что из грязи выходит, но ею отнюдь не замаран, и, чистой рябью омытый, капризных причуд он не знает. Сквозной внутри, снаружи прям... Не расползается и не ветвится. И запах от него чем дальше, тем чище... — декламировала она своим чистым детским голосом.

То, насколько довольной собой выглядела маленькая девочка, было очаровательно. Пожилая госпожа Шэн сидела рядом на диванчике и слушала, периодически отворачиваясь, чтобы скрыть смех. Её глаза лучились теплотой и счастьем.

Эта сцена тронула Шэн Вея. Он заметил, насколько радостной и румяной была пожилая госпожа Шэн. Она была даже более бодрой, чем два года назад, когда он в последний раз видел её. Затем Шэн Вэй перевёл взгляд на Минлань и увидел, как блестят её глаза. Когда она заметила его, она немедленно слезла с диванчика и послушно отошла в сторону. Увидев, насколько воспитанной и рассудительной была Минлань, Шэн Вэй был восхищён ею.

Поприветствовав пожилую госпожу, Шэн Вэй рассмеялся и подхватил Минлань на руки.

— Ты, должно быть, шестая дочка, верно? Мне раньше не доводилось видеть тебя. Каждый раз, когда я приезжал сюда, ты болела. Хорошо, что тебе, наконец, стало лучше.

У него была квадратная челюсть, и он был похож на человека, который много повидал на своём веку. Он был старше Шэн Хуна всего лишь на пару лет, но выглядел он так, будто был старше его лет на десять. У него было доброе лицо.

Минлань сложила свои маленькие кулачки в приветственном жесте и ответила:

— Ваша племянница чувствует себя хорошо, спасибо вам за заботу. Рада приветствовать вас, первый дядюшка. Спасибо, что прибыли к нам издалека, — произнесённые детским голосом подобные слова производили впечатление, будто говорил маленький взрослый. Все присутствующие в комнате взрослые рассмеялись.

Шэн Вэй смеялся особенно сильно и так как он обнимал Минлань, она чувствовала, как он подрагивает от хохота. Из-за всеобщего смеха Минлань покраснела, она была возмущена. Она поприветствовала согласно всем правилам, зачем так смеяться? Можно же быть сдержаннее!

Шэн Вэй сунул руку за пазуху, вынул оттуда свёрток из красного шёлка и передал его Минлань со словами:

— Это подарок от твоей двоюродной тёти. Все твои старшие сёстры уже получили свои, осталась только ты.

Минлань подняла глаза и посмотрела на отца с бабушкой. Она заметила, что они едва заметно кивнули, и взяла подарок. Она развернула его. Перед её глазами блеснуло золото. Это была тяжёлая подвеска из чистого золота, сделанная в стиле Жуйи. Минлань сразу же отдала её пожилой госпоже Шэн и та с улыбкой надела её на шею Минлань. Минлань тут же почувствовала её тяжесть. Она определённо весила несколько таэлей. Следуя этикету, она повернулась к Шэн Вэю и, склонившись в поклоне, сказала:

— Благодарю вас, двоюродная тётюшка, благодарю вас, первый дядюшка.

В этот момент в комнату вошла Цуйпин с маленьким чайным сервизом в руках, который был расписан красными лотосами. Она подошла к Минлань, поставила сервиз перед ней, после чего с покорным видом вышла из комнаты. Минлань взяла в руки одну из чашек с чаем. Шэн Хун ожидал, что Минлань как обычно сперва принесёт чашку ему, но неожиданно на полпути Минлань свернула и, склонив голову, протянула чашку Шэн Вэю. Вторую чашку она принесла Шэн Хуну. После чего она взяла тарелку со свежими шаньдунскими юубами и заботливо поставила её на чайный столик Шэн Вей. Всё это позабавило Шэн Хуна. И, не удержавшись, он шутливо отчитал её:

— Что за шестая дочь, тут же предлагает чай и ююбы незнакомцам, получив от них подарок. Совсем забыла про своего отца.

Минлань выглядела смущённой. Услышав это, она покраснела и замерла. Не зная, куда деть руки, она попыталась объяснить:

— Это... Нет... Всё просто, потому что он не дотягивался до всего этого.

Шен Вей, Шэн Хун и пожилая госпожа тут же разразились хохотом. Шэн Вэй обнял Минлань, разглядывая её внезапно побледневшее лицо, которое от смущения казалось ему особенно милым. Он вытащил роскошную расшитую сумку и вручил её Минлань со словами:

— Человек неравнодушен к тем, от кого получает подарки. Так что держи, здесь только что сделанные девяносто девять рыбок. Я дарю их тебе, маленькая Минлань, потому что еда в вашей семье очень уж дорогая.

Пожилая госпожа смеялась так, что у неё на глазах выступили слёзы.

— Вот же нахальные обезьянки! — произнесла она сквозь смех. Стоявшие вокруг служанки осторожно прикрывали свои рты. Минлань тут же схватила с десятка свежих ююбов с тарелки с фруктами и отнесла их Шэн Хуну.

— Кушайте, отец, кушайте, эти ююбы спелые, — сказала она с хитрой улыбкой.

Улыбнувшись, Шэн Хун притянул Минлань к себе и погладил её по голове. Затем он открыл расшитый мешочек, который Минлань держала в руках, и вытащил оттуда маленький золотой слиток в форме рыбки. Он вложил его в ладонку Минлань со словами:

— Красивый, правда? Поиграй с ним.

Внезапно у Минлань оказалось столько золота. Она чувствовала себя несколько смущённой. Почувствовав, что она вновь краснеет, она поклонилась, пряча лицо в ладонях. В этот момент в комнату вошла Ван Ши вместе с другими детьми. С ними не было только Хуалань. Облегчённо выдохнув, Минлань поспешила поприветствовать Ван Ши.

Ван Ши поприветствовала пожилую госпожу и Шэн Вей, после чего позволила детям сделать тоже самое. Заметив на шее Минлань большую роскошную золотую подвеску, Жулань надула губы, а Молань стояла с безразличным выражением лица. Пройдя уроки учительницы Кун, они обе стали вести себя лучше. Шэн Вэй поприветствовал их в ответ. Жулань выглядела надменно, тогда как Молань старалась быть максимально вежливой и поменьше разговаривать. Шэн Хун тоже не торопился говорить, а Ван Ши, напротив, болтала, широко улыбаясь.

— Ваша жена так обходительна, она заставила вас проделать такой большой путь ради

Хуалань. Я чувствую себя очень признательной по отношению к вам. Более того, вы столько всего привезли! — Ван Ши повернулась в сторону детей и сказала, обращаясь к ним:

— Что до вас, ребята, ваши подарки для мальчиков лежат в кабинете господина, а подарки для девочек в павильоне Вейжу. Не забудьте сходить за ними позже.

Дети тут же принялись благодарить Шэн Вея. Когда все выразили свою благодарность, Жулань радостно побежала посмотреть на подарки. Пожилая госпожа Шэн улыбнулась и разрешила остальным внучкам последовать за ней. Когда девочки ушли, в комнате резко стало тихо. Встав перед Чанбаем, Шэн Вэй решительно произнёс:

— Я слышал, что ты уже сдал окружные экзамены, юный Бай. Твоей матери очень повезло с детьми.

— Вы зря хвалите меня, первый дядюшка. Ваш племянник ещё невежественен, мне следует заниматься больше, — ответил Чанбай, сложив руки в приветственном жесте.

— Ему ещё предстоит окончательные экзамены, не спешите хвалить его, — гордо добавила Ван Ши. — Говорят, что малыш Ву тоже усердно учится. Возможно, два брата смогут вместе сдать этот экзамен.

— Боюсь, что это невозможно, — улыбнувшись, Шэн Вэй покачал головой. — Когда я учился, мой второй младший брат превосходил меня. Мой первый сын, приехавший вместе со мной, прилежен лишь когда смотрит в учётную книгу, а декламировать может только пословицы. Это вскружит ему голову. Что до моего второго сына, он часто читает книги, но тоже уступает юному Баю. Однако ему нравится учиться стрелять и обращаться с копьем. Так что после того, как я доставлю свою первую племянницу в столицу и закончу все дела, связанные со свадьбой, я планирую послать юного Ву к генералу Лю Куй. Пускай попробует путь военного.

— Хорошая идея, — улыбнулся Шэн Хун. — Старик Лю — мастер боевых искусств. Мы частенько выпивали вместе, когда он ещё сдавал офицерские экзамены. И он до сих пор состоит на службе. Я напишу ему письмо, попрошу его взять малыша Ву под свою опеку и позаботится о нём.

— Спасибо тебе, брат, — голос Шэн Вея был наполнен радостью. — Ву, не стой, поблагодари своего дядю.

Чанву, молча стоявшему в сторонке, на вид было столько же лет, сколько и Чанбаю. Но он был выше, крупнее и с более широкой челюстью. Он радостно поклонился Шэн Хуну.

— Чанву, твой отец наверняка говорил тебе, что если ты добьёшься успеха в будущем, вся наша семья выиграет от этого, — тут же поддержал его Шэн Хун. — Если братья смогут поддерживать друг друга на службе, то нашей семье суждено процветать.

Тем временем Шэн Вэй повернулся к Чанфену и с улыбкой произнёс:

— Как видишь, твой двоюродный брат Ву со своими способностями может стать лишь военным. Зато вам, судя по всему, действительно суждено сдавать экзамены вместе. Я слышал, что твои стихи великолепны, юный Фен. Такой талант в столь юном возрасте. Возможно, тебе суждено сдать императорский экзамен на высшие баллы и получить титул Чжуанюань.

Стоявший вдалеке и расслабленно улыбавшийся Чанфен сложил перед собой руки в благодарственном жесте и ответил:

— Ваш племянник смущён оказанным ему вниманием. Я мечтаю знать хотя бы половину всего того, что знает мой старший брат. Я слышал, что Чжан Тайюэ смог сдать экзамены в девять лет, однако я не столь талантлив, так что я попытаю счастья в следующем году.

— Хоть литература и важна, но императорские экзамены не зависят исключительно от поэзии, — строго заметила пожилая госпожа Шэн. — Тебе следует больше учиться прозе. Вспомни своего дедушку, хотя его поэзия была элегантна, словно абрикосовое дерево, он тоже сперва учился прозе. Почему бы тебе не позаниматься вместе со страшим братом?

Чанфен улыбнулся и согласно кивнул. Поговорив ещё немного, пожилая госпожа Шэн отправила троих мальчиков поиграть, а взрослые продолжили разговаривать.

Когда они ушли, Шэн Вэй с уважением в голосе обратился к пожилой госпоже:

— Изначально моя жена тоже хотела приехать, но она была слишком занята семейными делами и не смогла выкроить времени. Я вместо неё с почтением склоняюсь и поздравляю вас, вторая тётюшка.

— Я понимаю. Конечно же, зачем ехать в такую даль, когда на тебе висит такая большая семья. Мы две ветви одной семьи, нам не нужны все эти формальности. Как здоровье твоей матушки? Она хорошо себя чувствует? — с улыбкой спросила пожилая госпожа Шэн.

— В семье всё хорошо, просто моя матушка в последнее время меньше двигается, — Шэн Вэй помрачнел. — Годы не щадят её. Она часто вспоминает о вас. И я надеялся, что если у вас найдётся свободное время, то вы смогли бы приехать ко мне в гости ненадолго. Но моя матушка боялась, что вы устанете от поездки, так что она не хотела, чтобы я упоминал это.

— Что значит устану? — вздохнула пожилая госпожа Шэн. — Мы с твоей матерью как сёстры, мы были очень близки. Разве нанести ей визит может быть для меня чем-то неприятным? К тому же я восхищаюсь твоей матерью. Будучи всего лишь женщиной, она прожила столько лет и выдержала столько невзгод, но всё это истощило её тело и принесло ей лишь недуги.

— Я благодарен за поддержку, которую вы оказали мне и моей матери, — искренне ответил

Шэн Вэй. — Мы те, кто мы есть, исключительно благодаря вам. Что, кстати говоря...

— Не продолжай, не стоит, — пожилая госпожа Шэн замахала руками.

Чувствуя, что атмосфера в комнате становится тяжёлой, Шэн Хун искал способ разрядить обстановку. Он взглянул на Ван Ши. Поймав его взгляд, та немедленно поняла, что от неё требуется и с улыбкой произнесла:

— Я давно не бывала в Цзиньлине. Как здоровье у жены Сона? В последнем письме говорилось, что она беременна.

— К сожалению, недавно у неё случился выкидыш, — выражение лица Шэн Вея стало ещё более мрачным.

На какое-то время атмосфера в комнате стала ещё более тяжёлой. Шэн Хун недовольно посмотрел на Ван Ши. Та выглядела немного обиженной, она тоже не знала, что это произошло. Умение разряжать обстановку определённо требовало некоего таланта. Видно было, что Ван Ши всё ещё нужно было попрактиковаться в этом. Шэн Хун был совершенно недоволен её результатами и решил всё взять в свои руки.

— А как дела у семьи, дочку которой вы присмотрели для юного Ву? — с улыбкой спросил он.

— Если эта семья подходит, то как дядя я должен уже начать готовить свадебные подарки.

Лицо Шэн Вея было мрачнее тучи.

— Прощу, не напоминай. Дочь из этой семьи сбежала из дома с конюхом.

Атмосфера в комнате стала ещё тяжелее.